Психологические науки

УДК 316.6+159.99

КАТЕГОРИЯ «ЧЕСТНОСТЬ» КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИОГЕНЕЗА НАУЧНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ (сообщение 2)

О.А. Белобрыкина, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия), e-mail: olga.belobrykina@gmail.com

Abstract. The outline of a historiogenesis of the category «honesty» is presented in the article. On the basis of the theoretical analysis the retrospective of substantial filling and the importance of concept depending on features of a sociocultural situation of development of society is shown, relevance of empirical researches of ideas of honesty in modern conditions is designated.

Keywords: honesty, historiogenesis, Machiavellianism, public consciousness, moral ethical standards, moral characteristic of personality

UDC 316.6+159.99

THE CATEGORY «HONESTY» AS A SOCIAL-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON: A SHORT SKETCH OF HISTORIOGENESIS OF SCIENTIFIC AND SOCIAL IDEAS OF THE CONTENT OF THE CONCEPT (message 2)

O.A. Belobrykina, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

Abstract. The outline of a historiogenesis of the category «honesty» is presented in the article. On the basis of the theoretical analysis the retrospective of substantial filling and the importance of concept depending on features of a sociocultural situation of development of society is shown, relevance of empirical researches of ideas of honesty in modern conditions is designated.

Keywords: honesty, historiogenesis, Machiavellianism, public consciousness, moral ethical standards, moral characteristic of personality

Понятие ***честности*** (из праслав. **čьstь*, от которого произошли: др.-русск. и ст.-слав. *чьсть*, др.-греч. *τιμή* (почет), русск., укр. *честь* [27, с. 350; 30, с. 385]) имеет многовековую историю и традиционно рассматривалось в контексте общественного сознания человека, относясь к морально-нравственной сфере. Первоначально слово указывало на те характеристики в поведении человека, которые заслуживали уважения и почитания (чести), позднее стало обозначать «правдивость, открытость, уклонение от лицемерия и лжи в мыслях, практических делах, поступках, речи». В поздней христианской этике честность (правдивость) выступала основным элементом социальной справедливости [26]. Именно как социально-личностный конструкт категория честности привлекала мыслителей и ученых разных эпох, а её понимание определялось конкретными, существующими в обществе, морально-нравственными нормами и канонами. По всей вероятности, мировоззренческие установки, представления о честности, правдивости, искренности и т.п. могут быть подвержены историческим изменениям и различаться у разных поколений.

Как отмечает Ю.В. Щербатых, «в каждой исторической эпохе, в каждом самостоятельно функционирующем человеческом обществе существуют определенные нормы поведения, регламентирующие необходимый и достаточный уровень правдивости его членов. Нарушение этих норм отдельными людьми наказывается путем

общественного порицания. Нравственными считаются слова и поступки, соответствующие общепринятым в данном обществе нормам, безнравственными – нарушающие их. Эволюция человеческих отношений приводит к тому, что некоторые нравственные нормы, успешно ранее регламентировавшие взаимоотношения людей, становятся все более неприемлемыми» [32, с. 269]. На это указывает и В.В. Знаков, по мнению которого в эпоху перемен, когда в обществе и сознании россиян происходят радикальные изменения, многие моральные ценности, важные для нескольких поколений людей, закономерно начинают подвергаться переосмыслению, что зачастую приводит к их переоценке и даже обесцениванию [10]. В частности, изменяются представления россиян о нравственной ценности и содержании таких категорий, как правдивость и честность. Соответственно, неоднозначная и стрессогенная социально-политическая и экономическая ситуация в стране порождает множество вопросов, не имеющих однозначных ответов. Например, можно ли считать честным журналиста, который раскрыл подробности частной жизни политика, не получив у него разрешения? Насколько честным может быть участник, ведущий азартную игру? Был ли честен предприниматель, скрывший от партнера незапланированную совместную прибыль, если она была получена в результате его собственной деловой активности?

Примечательно, что всего пару десятков лет назад большинство из россиян без колебаний посчитали бы честным человека, который нашел бумажник с деньгами и вернул его истинному владельцу. Сегодня же все бóльшее число людей считает, что честный человек тот, кто вернул найденное, но при этом потребовал за это вознаграждение. Многие обыватели убеждены, что в реальной жизни не бывает ситуаций, когда найденную вещь безвозмездно возвращают незнакомому человеку. В связи с этим В.В. Знаков приходит к выводу, что в настоящее время в массовом сознании происходит изменение нормативных представлений о том, какие отношения между людьми следует считать честными и нечестными. Это становится особенно заметно, если сравнивать моральные принципы старшего поколения со взглядами современных подростков и юношей, для которых

существовавшие ранее представления о честности зачастую считаются анахронизмом, воспринимаются ими как комические, не статусные черты, не соответствующие духу сегодняшнего времени. В связи с этим, полагает исследователь, в настоящем всё более актуальными становятся психологические исследования факторов (как объективных, так и субъективных), влияющих на адекватность понимания честности и правдивости [10]. Тем не менее, несмотря на очевидную значимость таких исследований, в современной отечественной психологии практически отсутствуют сведения о том, каким смыслом наделено понятие честности, как и на основе чего оно формируется в онто-, социо- и культурогенезе, какие компоненты включает и как проявляется в межличностном общении [2].

Это и обусловило наше внимание к теоретическому анализу историогенеза представлений о честности, правде, истине, справедливости, а также противоположных феноменах: нечестности, лжи, лицемерии, неправде и т.п.

Как отмечает Е.П. Ильин (2016), еще с древних времен существует два различных подхода к допустимости лжи и пониманию честности.

Первый подход базируется на полном отрицании лжи в каком бы то ни было виде и задает понимание честности как полной правдивости. Честность и нечестность, правда и ложь, всегда являлись частью системы морально-нравственных категорий, поэтому данный подход превалировал в религиозно-философской литературе. В ней ложь всегда рассматривалась как недопустимая форма поведения человека. Так, например, Августин считал не приемлемой любую форму лжи, поскольку она подрывает доверие между людьми. По мысли И. Канта, субъект не имеет права на ложь, даже в экстремальных ситуациях [цит. по 12].

И.И. Янжул считает честность жизненно необходимой добродетелью, указывая, что «без доверия, которое покоится на честности, не может развиваться ни промышленность, ни экономика» общества [33, с. 7]. «Тот народ, который честен (во всеобъемлющем значении этого слова), тем самым силен не только нравственно, но и экономически» [33, с. 25]. Он полагал, что честность общества

невозможна вне честности каждого человека как гражданина этого общества.

Идентичной позиции придерживается и представитель политической философии XX века – Дж. Ролз (J. Rawls). Центральной идеей и целью созданной им концепции справедливости выступает достижение честности в системе социальных отношений в их широком (общественные, гражданские, экономические и пр.) и узком (межличностные, профессиональные и т.п.) смыслах. Исследователь указывает, что «роль принципа честных возможностей заключается в том, чтобы гарантировать системе кооперации характер чисто процедурной справедливости. Если такой гарантии нет, распределительная справедливость не может быть предоставлена сама себе, даже в ограниченной степени» [22, с. 87]. Только при условии честности исходной ситуации, полагает автор, возможна полноценная реализация принципов справедливости. «Справедливость как честность оценивает социальную систему, насколько это возможно, с позиций равного гражданства и различных уровней доходов и богатства» [22, с. 95].

В рамках *второго подхода* учитывались причины и мотивы лжи и честным признавался человек, который лжет из благородных мотивов. Ярким представителем второй точки зрения является Платон. Он полагал, что в государственном управлении «надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан – для пользы своего государства, но всем остальным к ней нельзя прибегать». Далее, исходя из принципа «стремления к наибольшей выгоде государства», он выделяет еще две социальные группы – врачей и судей – которым также допустимо извращать истину для блага граждан: «судьи имеют право лгать, чтобы обманывать неприятеля или граждан в видах общего интереса, подобно докторам, которые имеют право лгать в интересах своих пациентов» [21].

Еще более категорично трактовал честность Вольтер, считавший, что ложь является высшей добродетелью, когда она «творит добро». Фома Аквинский оправдывал ложь в случае, если она направлена на добрые дела [цит. по 12]. Русский философ В. С. Соловьев также считал возможным так называемую нравственную

ложь, или ложь «во спасение» [24].

На упрочение дуалистической позиции в общественно-политическом сознании при рассмотрении категории честности оказали влияние работы Н. Макиавелли, полагавшем, в частности, что когда возникает конфликт между государством и личностью, то приоритетными становятся интересы государства, базирующиеся на общественном типе отношений, где цель как раз и диктует выбор средств. С одной стороны, он отмечал: «великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность. … Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и, если отпали причины, побудившие его дать обещание» [15, с. 52]. Автор полагал, что правителю для сохранения власти необходимо поступать против честности, жалости и религиозных заповедей. Для упрочения власти государю нет необходимости иметь такие добродетели, как милосердие (в противном случае оно приведет к беспорядкам и беззаконию), честность и правдивость (которые могут настроить подданных против правителя, ослабить государство) и другими, «но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. … Обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими – полезно. … Надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить» [15, с. 53]. Н. Макиавелли, по сути, не только обнажил табуированные принципы повседневной политики, поставив их выше традиций общества и христианских заповедей, но и обозначил очевидное одобрение лжи на государственном уровне, а также свое положительное отношение к подобному средству правления.

Вместе с тем, совершенно иной позиции по отношению к значимости честности он придерживается, когда рассуждает о советниках государя, будучи убеждён, что единовластному правителю нужны советники высшей квалификации (di estraordinaria sufficienza). Эта категория чиновников, прежде всего, министров (ministri), ведающих важными государственными делами, должны быть преданными

государю, обладать высоким нравственным достоинством, быть честными и ратующими за соблюдение законов всеми гражданами, заботящимися об интересах общества и правителя, а не о собственном благополучии. «Министр, в чьих руках дела государства, обязан думать не о себе, а о государе» [15, с. 70], который, в свою очередь, «должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-либо опасается говорить ему правду» [15, с. 71-72].

Подобное – двойственное отношение к роли честности – было присуще и М. Веберу. Так, в работе «Протестантская этика и дух капитализма», опубликованной в 1905 году, он, давая критический анализ этическим воззрениям Б.Франклина, отмечал, что «честность полезна, ибо она дает кредит, так же обстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью – все эти качества именно поэтому и являются добродетелями. … Для Франклина упомянутые добродетели, как, впрочем, и все остальные, являются добродетелями лишь постольку, поскольку они in concreto полезны данному человеку. … Из этого можно заключить, что там, где видимость честности достигает нужного эффекта, она вполне может заменить подлинную честность» [6, с. 74 – 75]. Однако с течением времени взгляды ученого претерпели изменения, и, определяя, вслед за Н. Макиавелли, государство как социальный институт, обладающий монополией на легитимное применение различных форм насилия, он в работе «Политика как призвание и профессия», вышедшей в свет в 1919 году, уже допускает использование в политической практике различных «грязных» приемов, таких как обман, подкуп, вероломство, фальсификация, жестокость, лицемерие и т.п. [6, с. 644 – 706].

Очевидно, что особенности исторического процесса, этнические и культурные различия, иные условия и факторы оказывают значимое влияние на становление представлений о честности. Соответственно, свою специфику имеют представления о честности, свойственные и российской ментальности, на что постоянно указывали ярчайшие представители научной и общественной мысли: Г.Г. Шпет, В. Шубарт, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, В.О. Ключевский, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, Н.Я. Большунова и др.

Так, например, по мнению Н.О. Бердяева, нравственная самодисциплина личности никогда не рассматривалась в России как самостоятельная и высшая задача. В русском сознании укоренилась установка, что лучше смиренно грешить, чем единолично и гордо совершенствоваться [3]. Достаточно вспомнить, в связи с этим, современное выражение «Тебе что, больше всех надо?», которое произносится с негативным смыслом.

Философ полагал, что человек должен, прежде всего, соблюдать нормы, принятые в коллективе. При этом честность или бесчестность человека не являются его значимой характеристикой [3].

Нередко взгляды на честность и лживость, представленные в русской философско-религиозной литературе, носили явно противоречивый характер: с одной стороны, указывалось на невозможность оставлять без внимания распространённость явления лжи, тогда как, с другой, считалось – что-либо сделать с ней невозможно [19]. Еще в 1855 году К.С. Аксаков отмечал: «Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью... При потере взаимной искренности и доверенности, все обняла ложь, везде обман» [23, с. 143, 146].

Публицисты и философы конца XIX – начала XX века, обсуждая наиболее острые вопросы того времени – гражданственности, гуманизма, справедливости и др., также указывали на повсеместность распространения лжи, обмана в общественной и частной жизни, особо отмечая, что исторически в России честность понимается как нечто необязательное [14; 19; 23].

Примечательно, что только в конце 90-х годов XX века честность стала предметом научного изучения в психологии, подтвердив отдельные аспекты теоретических рассуждений, обозначенных в работах отечественных и зарубежных философов, публицистов и прогрессивных мыслителей различных исторических эпох. Так, в исследованиях В.В. Знакова было выявлено, что большинство людей считает ложь неотъемлемой частью своей жизни. Честность автор сравнивает с «шагреневой кожей» и считает, что её моральная ценность динамично уменьшается в обществе [10]. Ученый исследовал содержательное наполнение и соотношение таких понятий, как

«правда», «полуправда», «правдивость», «честность» и ряда других. В частности, обнаружено, что категории «правда», «честность» и «справедливость» тесно связаны между собой, но различными способами. Исходя из содержательной трактовки понятий, респонденты были дифференцированы на две группы. Первые из них понимают правду и честность как категории межличностного общения, тесно связанные со справедливостью; по их мнению, одно не может существовать без другого. Вторые же склонны разделять правду, честность и справедливость в реальной жизни, считая, что человек бывает вынужден выбирать, быть ли ему правдивым, честным или справедливым. Для них честность (правда) – это, прежде всего, то, что соответствует действительности, истине. Таким образом, для одних быть честным значит, поступать справедливо. Для других быть честным означает говорить фактическую правду, гласить истину.

Кроме того, исследование показало, что сегодня морально оправданной считается ложь, если она используется во благо другого человека. Феномен нравственной (альтруистической) лжи, как свидетельствуют эмпирические данные, стал неотъемлемой частью сознания россиян: большинство опрошенных согласились солгать в суде, если это будет необходимо. То есть, человек, солгавший в суде из благих намерений, не считается нечестным. Если же рассматривать проблему соотношения правды и лжи, честности и нечестности, справедливости и несправедливости в более широком контексте, то можно сделать вывод, что данный феномен – типичное порождение русского менталитета. Вопрос, что выше, закон или совесть? – это вопрос многих русских мыслителей [10].

Эксперименты В.В. Знакова показывают, что нравственная ложь не связывается в сознании россиян с такими чертами собственной личности, как лживость и нечестность. Наоборот, эта разновидность лжи понимается как признак честности и считается важным условием справедливости к попавшим в беду людям. Результаты исследований позволили выявить размытость субъективных границ между честностью и взаимосвязанных с ней по смысловому наполнению понятий: правда, справедливость, истина и др. В частности, оправдание лжесвидетельства, основанное на чувстве справедливости,

способствует вытеснению из сознания человека истинностной составляющей свидетельских показаний. Вследствие этого, явная ложь так видоизменяется в мировосприятии субъекта, что понимается им как благородная правда и проявление честности. Иными словами, часть людей (причем, меньшая) понимает честность как твердое отвержение лжи в любых ее проявлениях. Другая же часть считает, что бывают ситуации, где невозможно обойтись без лжи. Понимание честности как однозначной правдивости основано на доводах, обращающихся как к внутреннему миру человека, его совести, так и к универсальным человеческим ценностям. Однако, как считает В.В. Знаков, в современном мире такое понимание является скорее исключением, чем правилом. На это указывает не только то, что большинство российских испытуемых согласились солгать в ходе эксперимента (считая себя при этом честными людьми), но и данные зарубежных исследований [10; 16; 25; 28; 29].

С философско-психологических позиций анализ явления лжи и обмана, распространенных в реалиях информационного общества конца XX века, осуществил Д.И. Дубровский, предложив типизировать их на «добродетельный и злонамеренный» [8]. Добродетельная ложь, по его мнению, обусловлена альтруистическими целями и побуждается долгом, любовью, родственными чувствами, элементарными нормами межличностной коммуникации, принципами профессиональной этики и т.п.

Примерами добродетельного обмана (нравственной лжи), не только допустимого в любом обществе (в том числе и по идейным соображениям), но и предусмотренного необходимостью продуктивной реализации некоторых видов профессиональной деятельности, являются случаи, когда разведчику предписано не проявлять честной позиции, или дипломаты и резиденты, по долгу службы стоящие на страже интересов государства, вынуждены скрывать какие-либо сведения, или работники правоохранительных органов, использующие ложную информацию в борьбе с преступниками, или врач, который скрывает от пациента смертельный диагноз [8; 32].

Достаточно информативные сравнительные данные приводит Ю. Н. Олейник, сделавшая обзор исследований отношения ко лжи и

честности у подростков в 1909, 1995 и 1999 годах, выполненных с использованием методики «Проективные рассказы», разработанной А.П. Нечаевым [20].

Так, по результатам исследования А.П. Нечаева, выполненного на выборке 95 учащихся (11 – 18 лет) Николаевского кадетского корпуса, было выявлено, что отношение к разным видам лжи у подростков различно. С наибольшей критикой отнеслись ученики ко лжи из озорства и самосохранения, и достаточно снисходительно – ко лжи альтруистической (во благо кого-либо). По отношению к первым видам лжи большинство учеников считает справедливым применение наказаний, тогда как альтруистическая ложь признается простительной и даже похвальной [18]. Лишь чуть более 9% респондентов (от 7 до 12 % в зависимости от возраста) считали необходимым наказывать героя рассказа за альтруистическую ложь.

Незначительные отличия зафиксированы по данным, полученным в 1995 (16 %) и 1999 (17 %) годах на гомогенных по половому (участие принимали только представители мужского пола) и численному (94 – 95 чел.) составу выборках испытуемых. Результаты этих исследований также свидетельствуют, что лишь незначительная часть подростков считает героя виновным, несмотря на используемую им ложь из альтруистических побуждений [цит. по 20]. Анализ ретроспективной динамики эмпирических данных позволил Ю.Н. Олейник сформулировать вывод о том, что альтруистическая ложь наименее осуждается подростками вне зависимости от возраста, исторического контекста, ситуации в обществе и особенностей социализации. По мнению автора, российский образец честности содержит некоторые «уступки» и «оговорки», при которых человек может солгать, продолжая при этом считать себя честным [20]. Эти данные полностью совпадают с результатами, полученными в экспериментах В.В. Знакова. О.Н.Олейник объясняет этот факт особенностями русского менталитета: традиционным для русского человека является желание жить «не по закону, а по совести». Можно полагать, что честность в российском обществе представляет собой некий условно принимаемый нравственный закон. Однако если возникает ситуация, в которой требуется проявление милосердия, то требования закона и правдивости

уходят на второй план [20].

Как видим, на протяжении нескольких веков в российском обществе, независимо от государственного строя, дихотомия представлений о честности остается практически неизменной. Вместе с тем, в условиях современной реальности категория честности, в её исходно нравственных координатах и социальной значимости, подвергается кардинальной трансформации. Это обусловлено тем, что современное общество изобрело и эффективно применяет множество довольно изощренных способов манипуляции общественным сознанием, особым образом заполняя нормативное пространство повседневности, в котором вынужден жить человек XXI века [1; 5; 7; 9; 11; 13; 17; 25]. Сегодня практически во всех сферах человеческой жизни и социального взаимодействия наблюдается явление двойного кодирования, повсеместно порождающее двойной стандарт инкультурации, когда на фоне декларации эталонов истинной Культуры в реальности насаждаются стереотипизированные нормативы массовой (эрзац-, псевдо-) культуры. И, видимо поэтому наиболее востребованными достижениями цивилизации для принудительного получения честных ответов считаются «сыворотка правды» и «детектор лжи».

Примечательно, что еще в начале XX века Н.А.Бердяев особо указывал, что Россия – это самая бюрократическая страна в мире, где все превращается в орудие политики [3]. Нам представляется, что несмотря на мощный цивилизационный рывок, который Россия сделала за вековую историю с момента выхода работы философа, многие из его постулатов не потеряли своей актуальности по отношению к современной ситуации общественного развития, тогда как социально-личностная имитация честности и у обывателя, и в рамках государственной системы усугубилась. Как справедливо отмечает Н. Я. Большунова, позиция которой нам импонирует, в современной российской культуре – экономической, политической, социальной, правовой и пр., не существует качественного разграничения «честного» и «нечестного» [4].

Рассуждая о психологии обмана и манипуляции, Ю.В. Щербатых пишет, что у властных структур всегда имеется достаточно рычагов воздействия на СМИ в целях формирования необходимого

общественного мнения, «примеры которого мы видим в настоящее время, однако экономическое давление уже не может гарантировать вечного существования царства лжи. Изначально заложенное в человеке стремление к истине настолько сильно, что заставить его лгать постоянно можно только под угрозой неминуемой смерти» [32, с. 286].

Вместе с тем, манипулятивный тип социальных отношений, инициированный со времен Н. Макиавелли, стал нормой государственного регулирования во многих странах, в том числе, и в России. Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что логика макиавеллизма проста и реалистична, поэтому и оказывается легко воспроизводимой в жизни. Парадоксально, но многие современные политики и общественные деятели, остервенело клеймящие обозначенные в трудах Н. Макиавелли принципы общественного правления, оказываются наиболее старательными его учениками, поступая именно так, как автором предписано их положению и статусу: хороший государственный деятель (правитель чиновник, министр, депутат и т.п.) должен говорить правильные вещи, а о правде, честности, в данном случае, речи даже не идёт. Как справедливо отмечает Ю.В. Щербатых, «для того, чтобы крепче держать сограждан в повиновении, нужно по мере сил создавать иллюзию мудрости, честности и неподкупности начальства. … Сама иерархичность системы бюрократии отнюдь не способствует появлению честного, неподкупного и компетентного чиновника» [32, с. 345].

На процветание макиавеллизма и социальной аномии в современной российской действительности указывают многие отечественные исследователи. Причем в научных трудах макиавеллизм, как и многие социально-политические явления, объясняется психологией и всегда рассматривается в контексте манипуляции массовым сознанием, приводящей к деградации общественной морали и формированию ложной модели окружающей действительности [4; 7; 9; 11; 17; 31]. Инициатором исследований макиавеллизма, в том числе и как разновидности бесчестного (нечестного) поведения, в отечественной психологической науке являлся В.В. Знаков, в работах которого показана связь макиавеллизма личности с социопатией [10; 11].

Таким образом, краткий исторический очерк генезиса представлений о честности в научных взглядах и обыденном сознании

показал существование двух различных подходов к её пониманию. Первый подход основан на полном отрицании лжи в каком бы то ни было виде и понимании честности как полной правдивости. В рамках второго подхода учитываются причины и мотивы лжи, а честным признаётся человек, который лжет из благородных мотивов.

Экспериментальные исследования, проведенные в конце XX века отечественными учеными, подтвердили неизменность в дифференциации понимания честности: большинство людей продолжает считать ложь морально оправданной, если она используется во благо другого человека. Нравственная ложь понимается как признак честности и важное условие справедливости к попавшим в беду людям.

Как видим, исторически в понимании честности явно прослеживается диалектическая закономерность, да и идеальное в принципе не достижимо. К явлениям окружающего мира и, в частности, социально-психологическим, нельзя подходить с позиции единой меры – она всегда условна и применима на основе определенной договоренности. Морально-этические требования и нравственные принципы также, как и правовые нормы, исторически детерминированы и подвержены изменениям: то, что признается нравственным в одном обществе и в определенные исторические эпохи, в другом – оказывается безнравственным.

Очевидно, что моральная оценка конкретного поступка (действия, поведения) человека с позиции соотношения в нем честности и обмана, правды и лжи сложна и неоднозначна, поэтому и предполагает учет ни одной единственной, а ряда этических норм и решения о приоритете одной из них перед другой; важен и анализ всех обстоятельств – цель, объем, периодичность обращения к конкретным средствам и т.п. В противном случае честность тоже может стать злонамеренной, аморальной и даже смертоносной (например, в случае допустимости лжи, предательства и пр. по отношению к родным, близким, друзьям ради личной честности перед преступником или врагом). Честность не может быть приоритетной, если она служит условием несправедливости.

Честность, сопряженная с такими этическими категориями, как правда, истина, справедливость и др., вместе с тем, не идентична им –

их векторы зачастую могут не совпадать.

Несмотря на то, что нечестность и обман теологически не относятся к смертным грехам, человеческим порокам, нечестный, лживый человек оказывается не только «мерзавцем» с точки зрения морали, но и считается «преступником» с точки зрения правовых норм, и никакие благие намерения не дают оснований для его оправдания.

Но, при всей размытости понятия нечестности, оно не может быть полностью сведено к понятию лжи, так как не каждая ложь связана с утратой чести и достоинства (например, в отдельных случаях деятельности правоохранительных органов). Равно как и выработать, даже у честного человека, иммунитет ко лжи в современных условиях практически невозможно, сколько бы усилий не было приложено к перечислению всевозможных – позитивных, негативных – способов лжи, обмана, лицемерия, шантажа и пр. – это не даст возможности полноценно противостоять манипуляциям и иным не этическим воздействиям извне.

Вполне очевидно, что исследования понимания категории честности разными возрастными и социальными группами молодежи XXI века актуальны не только для выявления исторической динамики представлений об обозначенном социально-психологическом феномене, но, прежде всего, для определения вероятностных перспектив социокультурного пути и ценностного самоопределения в развитии общества.

Литература:

1. *Белобрыкина О.А.* Многообразие рисков и факторов их возникновения в обществе постмодерна: теоретический обзор проблемы // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография /А.Л. Журавлев, Т.П.Емельянова и др.; под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 14 – 30.

2. *Белобрыкина О.А., Палиева В.А.* Категория «честность» как социально-психологический феномен: к обоснованию проблемы

исследования (сообщение 1) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2018. № 2. С. 20 – 32.

3. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Эксмо, 2008. 640 с.

4. *Большунова Н.Я.* Проблема характера: традиции и современность. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2011. 235 с.

5. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 365 с.

6. *Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

7. *Гарифуллин Р.Р.* Психология блефа, манипуляций, иллюзий (монография). М.: АСТ-Сталкер, 2007. 224 с.

8. *Дубровский Д.И.* Обман. Философско-психологический анализ. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2010. 336 с.

9. *Зелинский С.А.* Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. СПб.: ИТД «СКИФИЯ», 2008. 407 с.

10. *Знаков В.В.* Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999. 281 с.

11. *Знаков В.В.* Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 45 – 54.

12. *Ильин Е.П.* Психология совести. Вина, стыд, раскаяние. СПб.: Питер, 2016. 370 с.

13. *Кошенова М.И.* Информационная культура как новая матрица онтогенетического развития //Психологическое здоровье как условие самореализации личности: материалы научно-практической конференции (28 – 29 ноября 2007 г.) / под ред. М.И. Кошеновой, В.М.Физикова; отв. за вып. Я.В. Клинг. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С.143 – 152.

14. *Лосский Н.О.* Характер русского народа. М.: Даръ, 2005. 336 с.

15. *Макиавелли Н.* Государь. М.: Планета, 1990. 80 с.

16. *Мацумото Д.* Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2008. 668 с.

17. *Мещеряков Б.Г., Некрасова А.В.* Макиавеллизм, ложь и правда в повседневной жизни // Человек. 2005. № 6. С. 87 – 95.

18. *Нечаев А.П.* Современная экспериментальная психология в её отношении к вопросам школьного обучения. Изд. второе, значительно доп. в 2-х т. Т. 2: Заучивание. Школьный день. Школьный возраст. СПб.: Жизнь, 1912. 584 с.

19. Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 640 с.

20. *Олейник Ю.Н.* Отношение ко лжи как индикатор ментальности народа // Приволжский научный вестник. 2014. № 11 (39). С. 169 – 172.

21. *Платон.* Диалоги [Электронный ресурс] // LibreBook [сайт]. URL: http://librebook.me/dialogi (дата обращения: 26.09.2018)

22. *Ролз Дж.* Теория справедливости / под науч. ред. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 500 с.

23. Русская правовая и политическая мысль: Антология / общ. ред. и сост. С.Л.Чижкова. М.: Летний сад, 2013. 720 с.

24. *Соловьёв В.С.* Собрание сочинений: В 2-х т. Т.1. М.: Правда, 1989. 521 с.

25. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 560 с.

26. Теологический энциклопедический словарь / под ред. Э. Уолтера; перев. с англ. Т.Ю. Васильевой, Д. Эйснера и др. М.: Духовное возрождение, 2004. 2747 с.

27. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачёва. В 4-х т. Т. 4 (Т – Я). М.: Прогресс, 1987. 864 с.

28. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А.Константинова. М.: ИД «Классика-XXI», 2007. 421 с.

29. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Изд-во АСТ; «Ермак», 2004. 730 с.

30. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь

современного русского языка. В 2-х т. Т. 2. М.: Русский язык, 1994. 560 с.

31. *Шейнов В.П.* Макиавеллизм личности: кто умело манипулирует людьми. Минск: Харвест, 2012. 416 с.

32. *Щербатых Ю.В.* Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. 720 с.

33. *Янжул И.И.* Экономическое значение честности: Забытый фактор производства. М.: Типолитогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 27 с.

References:

1. *Belobrykina O.A.* Mnogoobraziye riskov i faktorov ikh vozniknoveniya v obshchestve postmoderna: teoreticheskiy obzor problemy // Sotsialno-psikhologicheskaya otsenka riskov sovremennoy realnosti: ochevidnoye i veroyatnoye: monografiya /A.L. Zhuravlev, T.P. Emelianova i dr.; pod nauch. red. O.A. Belobrykinoy. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2017. Pp. 14 – 30.

2. *Belobrykina O.A., Paliyeva V.A.* Kategoriya «chestnost» kak sotsialno-psikhologicheskiy fenomen: k obosnovaniyu problemy issledovaniya (soobshcheniye 1) // Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoy Sibiri. 2018. № 2. Pp. 20 – 32.

3. *Berdyayev N.A.* Sudba Rossii. M.: Eksmo, 2008. 640 p.

4. *Bolshunova N.Ya.* Problema kharaktera: traditsii i sovremennost. Novosibirsk: Izd. NGPU, 2011. 235. p.

5. *Bodriyyar Zh.* Obshchestvo potrebleniya. M.: Respublika; Kulturnaya revolyutsiya, 2006. 365 p.

6. *Veber M.* Izbrannyye proizvedeniya /per. s nem.; sost., obshch. red. i poslesl. Yu.N. Davydova; predisl. P. P. Gaydenko. M.: Progress, 1990. 808 p.

7. *Garifullin R.R.* Psikhologiya blefa. manipulyatsiy. illyuziy (monografiya). M.: AST-Stalker, 2007. 224 p.

8. *Dubrovskiy D.I.* Obman. Filosofsko-psikhologicheskiy analiz. M.: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», 2010. 336 p.

9. *Zelinskiy S.A.* Informatsionno-psikhologicheskoye vozdeystviye na massovoye soznaniye. Sredstva massovoy kommunikatsii. informatsii i

propagandy – kak provodnik manipulyativnykh metodik vozdeystviya na podsoznaniye i modelirovaniya postupkov individa i mass. SPb.: ITD «SKIFIYa», 2008. 407 p.

10. *Znakov V.V.* Psikhologiya ponimaniya pravdy. SPb.: Aleteyya, 1999. 281 p.

11. *Znakov V.V.* Makiavellizm. manipulyativnoye povedeniye i vzaimoponimaniye v mezhlichnostnom obshchenii // Voprosy psikhologii. 2002. № 6. Pp. 45 – 54.

12. *Ilin E.P*. Psikhologiya sovesti. Vina. styd. raskayaniye. SPb.: Piter, 2016. 370 P.

13. *Koshenova M.I.* Informatsionnaya kultura kak novaya matritsa ontogeneticheskogo razvitiya //Psikhologicheskoye zdorovye kak usloviye samorealizatsii lichnosti: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (28 – 29 noyabrya 2007 g.) / pod red. M.I. Koshenovoy, V.M. Fizikova; otv. za vyp. Ya.V. Kling. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2008. Pp. 143 – 152.

14. *Losskiy N.O.* Kharakter russkogo naroda. M.: Dar, 2005. 336 P.

15. *Makiavelli N.* Gosudar. M.: Planeta, 1990. 80 p.

16. *Matsumoto D.* Chelovek, kultura, psikhologiya. Udivitelnyye zagadki, issledovaniya i otkrytiya. SPb.: Praym – EVROZNAK, 2008. 668 P.

17. *Meshcheryakov B.G., Nekrasova A.V.* Makiavellizm, lozh i pravda v povsednevnoy zhizni // Chelovek. 2005. № 6. Pp. 87– 95.

18. *Nechayev A.P*. Sovremennaya eksperimentalnaya psikhologiya v eye otnoshenii k voprosam shkolnogo obucheniya. Izd. vtoroye. znachitelno dop.: v 2-ch t. T. 2: Zauchivaniye. Shkolnyy den. Shkolnyy vozrast. SPb.: Zhizn, 1912. 584 p.

19. Obshchestvennaya mysl Rossii XVIII – nachala KhKh veka: Entsiklopediya / otv. red. V.V. Zhuravlev i dr. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2005. 640 p.

20. *Oleynik Yu.N.* Otnosheniye ko lzhi kak indikator mentalnosti naroda // Privolzhskiy nauchnyy vestnik. 2014. № 11 (39). Pp. 169 – 172.

21. *Platon.* Dialogi [Elektronnyy resurs] // LibreBook [sayt]. URL: http://librebook.me/dialogi (data obrashcheniya: 26.09.2018)

22. *Rolz Dzh.* Teoriya spravedlivosti /pod nauch. red. V.V. Tselishcheva. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1995. 500 p.

23. Russkaya pravovaya i politicheskaya mysl: Antologiya / obshch.

red. i sost. S.L.Chizhkova. M.: Letniy sad, 2013. 720 P.

24. *Solovyev V.S.* Sobraniye sochineniy: V 2-ch t. T.1. M.: Pravda. 1989. 521 p.

25. *Toffler E.* Shok budushchego. M.: AST, 2008. 560 p.

26. Teologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar /pod red. E. Uoltera; perev. s angl. T.Yu.Vasilyevoy, D.Eysnera i dr. M.: Dukhovnoye vozrozhdeniye, 2004. 2747 p.

27. *Fasmer M.* Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka / per. s nem. i dop. O.N.Trubacheva. V 4-ch t. T. 4 (T – Ya). M.: Progress, 1987. 864 p.

28. *Florida R.* Kreativnyy klass: lyudi, kotoryye menyayut budushcheye / per. s angl. A.Konstantinova. M.: ID «Klassika-XXI», 2007. 421 p.

29. *Fukuyama F.* Doveriye: sotsialnyye dobrodeteli i put k protsvetaniyu. M.: Izd-vo ACT; «Ermak», 2004. 730 p.

30. *Chernykh P.Ya.* Istoriko-etimologicheskiy slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 2-ch t. T. 2. M.: Russkiy yazyk, 1994. 560 p.

31. *Sheynov V.P.* Makiavellizm lichnosti: kto umelo manipuliruyet lyudmi. Minsk: Kharvest, 2012. 416 p.

32. *Shcherbatykh Yu.V.* Iskusstvo obmana. Populyarnaya entsiklopediya. M.: Eksmo, 2007. 720 p.

33. *Yanzhul I.I.* Ekonomicheskoye znacheniye chestnosti: Zabytyy faktor proizvodstva. M.: Tipolitogr. t-va I.N. Kushnerev i K°, 1912. 27 p.

– ● –

Сведения об авторе

Ольга Альфонсасовна **Белобрыкина,** Почетный работник высшего профессионального образования РФ, действительный член Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», научный сотрудник НИЛ социально-психологических исследований НГПУ; Российская Федерация, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28; e-mail:

olga.belobrykina@gmail.com